

У НЕГО есть совершенно «свой» характерный жест — открытой ладонью от груди ко лбу. От сердца к мысли. Будто от самых глубин — ввысь! Взметнулась рука в говорящем жесте. Жарко загорелись глаза. И слова, как стихи, полились свободно — не останавливаясь. Кует ими цыган-кузнец поэму труда, славу металлу, чарующей ворожке искр. И кажется, видишь, как в руках его — сильных, вдохновенных, красивых — металл становится мягким и покорным, как воск. Да и есть ли что-либо, не подвластное человеку одержимому, влюбленному в свое дело?

Остынет горн. Догорит заря. Женщина, почему-то пуще любого лиха боящаяся цыган, уведет из кузницы сына — парнишку, неудержимо сюда потянувшегося. Низко-низко наклонит кудлатую голову кузнец и... О чем же так скорбно и глухо запело, застонало вдруг сердце цыгана, не в силах более удержать в себе накопленного годами? О том, как крепко ранено оно одиночеством, опалено огнем войны? О том, как тяжело ему без любви, холодно без семьи, без сына?..

Все это поведал с абсолютной достоверностью Будаулай — Провоторов, и в зале произошло то, ради чего существует театр, — потрясение. Потрясение и очищение страданием Человека.

ПОЗНАКОМИЛИСЬ мы значительно раньше, чем на афишах драматического театра имени М. Горького появилось новое имя: Н. Провоторов. Многие нам рассказали уважительные, а порой и откровенно восторженные статьи о нем в профессиональной печати, в центральной прессе. Главное же сказал он сам.

«Сегодня нам нужен не просто актер-искусник, помышляющий восхитить и поразить зрителя своими способностями, своим личным «я», но актер-гражданин, использующий свои способности, как оружие, как средство прославления красоты человеческой, средство для устройства лучшей жизни на земле».

Так писал артист Провоторов в одном из своих страстно-публицистических выступлений на страницах журнала «Театральная жизнь». Так он и жил. В театрах Ульяновска, Москвы, Казани. Так он живет в Ростове.

НЕ СЛУЧАЕН интерес Провоторова к глубокой и лиричной повести Анатолия Напиевского «Цыган», по мотивам которой он создает романтическую драму. Именно здесь Николай Сергеевич (драматург, режиссер, актер) в полной мере раскрылся как гражданин.

Воспевание человеческого достоинства, которое ничем не может быть попорчено, ибо оно сильнее любого зла. Воспевание красоты, которую в борениях несет и утверждает человек — во имя того, чтобы не было на земле одиночества; воспевание величия и исцеляющей силы труда, объединяющего равных и сильных духом. Вот в чем смысл пьесы, спектакля, их общечеловеческий и гражданский пафос.

Трудно назвать провоторовского Будаулая «носителем» идеи, хотя, разумеется, так оно и есть. В любой момент своего пребывания на сцене актер так предельно естествен, так органичен, что почти непреодолима иллюзия подлинной, не сценической жизни героя. Простота Будаулая — Провоторова поражает. Гармоничен, целен этот человек — ничего ни убавить, ни прибавить. Все в нем необходимо. Но такая простота, как высшее художественное достижение артиста, — отнюдь не простая находка.

ЕВДОКИМОВ не получался.

Видно было, что он у Провоторова умница, талант, то есть, как говорят нынче обыкновенные гении, «тянет» в своей

атомной физике и обожает ее беспредельно, в буквальном смысле — больше жизни. Так написал и автор. Но вот Наташку Евдокимова — Провоторов полюбил сразу — искренне, глубоко. И едва ли не с первой сцены засиял, засветился весь. Невозможно было поверить, что у него «вчера — одна, сегодня — другая, завтра — десятая»: такой он был славный, уж очень под стать щедрой и чуткой Наташе. А где же душевная сухость, вполне интеллектуальная самоуверенность, эгоизм — все то наносное, уродливое, с чем Наташа боролась упорно, все время, а сам он — куда позднее?.. Значит, Евдокимов не получился?

Нет! Тот, кто видел «104 страницы про любовь» не раньше четвертого-пятого спектакля, уже не мог упрекнуть Николая Сергеевича в том, что он

«скрыл» горькую правду о своем герое, приукрасил его. Но зритель не знал, что от актера потребовалось (человеческое (именно человеческое, а не актерское, так сказать, технологическое) усилие — и немалое! — для того, чтобы сделать Евдокимова жестче, безразличнее ко всему, что не затрагивало его болезненно-самолюбивого «я». Потому что сам Провоторов как актер, как личность обладает нечастым даром доискиваться добрых начал даже там, где они изрядно припорошены пылью дурного — но не глазного! — в человеке. А в таком поиске, что ни говорите, легко увлечься: велико желание видеть людей прекрасными — всех...

На этот раз путь к простоте, как видим, лежал и через умение актера трезво оценить найденное, мужественно признаться себе: «недотянул» и, преодолев себя, добиться художественной истины.

То же человеческое волнение, та же гражданственная устремленность, что и в работе над «Цыганом», обратили внимание Провоторова-режиссера на пьесу А. Островского «Пучина». Вступающий в жизнь человек со светлыми помыслами терпит крах от столкновения со страшным миром стяжательства и лжи, засасывается пучиной буржуазно-купеческого мира. Но только такого толкования пьесы Провоторову недостаточно. Он не может не сказать своего слова: мало быть честным, мало хотеть добра — надо биться со злом. Требование — и от современника — воинствующей честности, осуждение всякой замкнувшейся в собственном тихом мире добродетели придали новый, убедительный тон звучанию нестарейшей пьесы. Кисельников у Николая Сергеевича не просто безволен. Он бездумен, жизненно пассивен, жалок в своей обреченности безвыходной жертвенности. И как ни мило Провоторову честность, чистота, доброта, деликатность Кисельникова, он беспощаден к своему герою.

Зато с какой солидарностью играет артист Торчинова из пьесы Я. Волчека «Заглянуть в

колодец» — азартного, бескомпромиссного правдолюбца, впрочем, страдающего несколько односторонним взглядом на науку. Но это у него скорее от незнания жизни, от жадной торопливости все успеть, все сделать в науке.

ЧЕТЫРЕ работы. Четыре судьбы. Четыре характера, ничем не повторяющие друг друга. А если вспомним других: душевного, открытого и цепкого Давыдова, неутомимо ищущего пути к душам людским; в аду американского бытия не растерявшего поэтичности Вэла-Орфея; чудачковатого, милого и твердого человека, убежденного коммуниста Литвинова («На диком берегу»); гордого и преданно любящего свой народ негра Бретта из «Глубоких корней», — если вспомним все до одной работы Провоторова, перед нами во всей полноте предстанет мастер подлинного перевоплощения.

И есть еще одна роль — важная в жизни художника-гражданина, идеал его человеческих и актерских устремлений. Владимир Ильич Ленин. Эта интереснейшая работа Провоторова имеет свою многолетнюю историю и является этапным достижением актера. Но она столь объемна и многогранна, что требует отдельного разговора.

В человеке этом — опытный актер — удивительно сочетаются трезвый реализм и почти наивная восторженность, точная аналитичность и неискоренимый романтизм. Может быть, причудливое слияние столь различных способностей сердца и разума, одухотворенных нравственным богатством актера, и есть кладезь многокрасочности его выразительных средств?..

У Будаулая есть обаяние спокойной, умной уверенности в себе, идущей от нелегкого житейского опыта и великодушная истинно мужественных натур. Но проявили непочтительность к красивой (в высшем понимании) женщине — и он яростно взбешен, непростительно груб. Он нежен и суров, мечтателен и хваток в хозяйственных делах, сдержанно скрытен и — детски доверчив.

Сравните эдакое легкое парение Кисельникова в 1-м акте с его же придавленностью и опущенностью во 2-м и 3-м и светлой выпрямленностью — на миг — в 4-м акте... Тяжеловесный, какой-то медвежий Торчинов неуютен, весь из острых углов. И вдруг вырвется такая плавность, почти ласковость движений... А евдокимовская интеллигентность, уживающаяся рядом с примитивнейшей ревностью!..

А глаза, глаза, глаза провоторовских героев. Нет двух пар одинаковых. Страстные, горячие — у Будаулая, голубые — у Кисельникова — то пустоватые, то ищущие, то загнанные, раненые, то отрешенные и неожиданно, в финале, вдруг негодующие. Ленивые — страстно цепкие — холодные — скорбящие — у Евдокимова. В прищур беспощадные — беспомощные, ничем не прикрытые — торчиновские...

В характере и ритме их жизни — ступок мыслей десятков героев. Ибо только мысли, будучи переплавлены через чувства актера, способны зажечь зрителя.

ЕГО называют одним из интереснейших мастеров советского театра. Мне трудно сравнить: немногих посчастливилось увидеть. Но мне радостно слышать это от ведущих театроведов страны, которые все видели, все знают и которых очень трудно чем-нибудь поразить. И верю им — безусловно!

Н. КИДИНА.